

Совсем иная точка зрения на взаимоотношения греко-римского и варварского общества у Приска Панийского. Отношение к варварам, даже к таким страшным врагам империи, как гунны, у Приска вполне терпимое; в его рассказе о жизни, быте, нравах гуннов нет высокомерия гордого римлянина к невежественным и грубым варварам. Он смог увидеть в Атилле и других варварских вождях живых людей с их достоинствами и недостатками. Именно поэтому Приск оставил потомкам совершенно непревзойденные по своей свежести и непосредственности сведения о стране гуннов, об их образе жизни, языке, об отношениях с покоренными племенами, а также с различными народами Востока и Запада⁶⁵.

Еще дальше, чем Приск, в своем благожелательном отношении к варварам идет Агафий. В противовес Прокопию и другим историкам, он явно идеализирует образ жизни некоторых варварских народов. Особенно ярко это проявляется при описании нравов и обычаев франков. Агафий превозносит общественные отношения у франков, подобно тому, как некогда равным образом поступал Тацит в отношении древних германцев. Думается, что Агафий восхваляет социально-политический строй франков с той же политической и дидактической целью, как и Тацит. Похвала варварам должна звучать как порицание пороков современного автору византийского общества.

Так, Агафий утверждает, что у франкских племен царит единство и внутренний мир⁶⁶, чего как раз недостает Византийской империи. Он рисует идиллическую картину внутренних взаимоотношений в государстве франков, явно противоречащую тому, что мы знаем о них из труда Григория Турского и других западных хронистов. Агафий с похвалой отзываясь об обычае так называемых мартовских полей у франков, восхищается дружескими отношениями между братьями-соправителями, которые по мирному соглашению делят между собой страну и якобы не стремятся к высшей власти. В общественном строе франков Агафию особенно импонируют следующие явления: подданные франкских королей якобы склонны к справедливости и любят свою родину, а вожди при решении важных дел благожелательны и доступны убеждению. В государстве царит справедливость и согласие, что делает его неуязвимым для внешних врагов. Споры решаются большей частью на основании права, а не силы. Несмотря на то, что государство делится между двумя или даже тремя соправителями, они не затевают между собой войн и «не оскверняют отечество кровью сограждан»⁶⁷.

Идиллия, нарисованная Агафием, — скорее показатель политических настроений автора, чем описание действительного положения вещей у франков. Историк хочет открыть глаза своим согражданам на то, чего недостает в общественной жизни Византии и чему византийцы могут поучиться у варваров.

⁶⁵ *Menandr.*, Exc. de legat., 121—155; 575—591.

⁶⁶ *Agath.*, Hist., I, 2; 3. В *Удальцова* Мироззрение... Агафия Миринейского, стр. 168—169; *Av. Cameron.* Agathias on the Early Merovingians. — «Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa». Lett. stor. e Filos., Ser. II, 37, 1968.

⁶⁷ *Agath.*, Hist., I, 2—3.